

СЕЗОН, ОТКРОЙСЯ!

Исполнением Второй симфонии Рахманинова в Скрипичного концерта Чайковского открыл новый сезон Ростовский симфонический оркестр. Дирижировал Равиль Мартынов. Солировала Анастасия Чеботарева. Вел программу Евгений Уринсон.

Сезон, откройся! Это магическое заклинание, подобное по созвучию и по смыслу волшебному «сезам», наверное, твердили про себя с начала осени многие – те, кто хорошо знает дорогу в концертный зал, кого влечет туда такая жажда («духовной жаждою томим»!), какую по силе и необоримости можно сравнить только с любовным томлением.

В этом году концертный сезон, словно уступая слушательскому нетерпению, начался необыкновенно рано, в середине сентября. И начался на высокой ноте удачи! Оркестр «взял» ее, эту ноту, год назад, удерживал весь прошедший сезон и, судя по началу, не намерен «понижать строй» в нынешнем.

Афиша, казалось бы, не предвещала сенсации: симфония – произведение известное, концерт – хрестоматийный шедевр... Споры нет, приятные сюрпризы украшают жизнь. Но разве не дарит особое наслаждение радость предсказуемая, ожидаемая и именно поэтому желанная? Меня поймет тот, кому ведомы, к примеру, радости семейной жизни.

Кстати, о семьях. В известном смысле, все удачные концерты похожи друг на друга, каждый неудавшийся концерт неудачен по-своему. Тут некоторые возразят (относительно первой половины отважно перефразированного мною афоризма), напомнят об индивидуальности композиторских стилей, неповторимости исполнительских трактовок... Да только я – о другом. Удача – это когда сердца слушателей захвачены сопереживанием. Вызвать его может только хорошая музыка (старая, новая, принадлежащая перу классика и композитора, не попавшего в словари, – не важно), музыка, «прожитая» артистами и исполненная ими «от первого лица».

Так и случилось. В произведениях двух гениев национальной культуры (1993 год – юбилейный для обоих) исполнители сумели вдохнуть новую жизнь обращенной к нам речи. Растаял без следа холодноватый музейный глянец. Симфония Рахманинова рассказала, как мучительно остро может переживать русский интеллигент поиски своей страной исторического пути, переживать, любуясь ее красотой, погружаясь в историю, заглядывая в будущее, ужасаясь совращающим ее бесам. А Концерт Чайковского дал почувствовать, что такое, говоря словами композитора, «весна во всей ее прелести», что такое ощущение счастья.

Оркестр вышел к залу без «первых голосов», гастролерованных в составе ансамбля «Камерата» за рубежом. Но и их отсутствие было замечено разве что слушателями, знающими музыкантов в лицо. (Не исключаю, что с ними оркестр звучал бы еще лучше). Незаурядная творческая воля и талант Р. Мартынова

обеспечили тщательную проработанность фактуры, эластичность и захватывающую объемность симфонической ткани.

А юная московская скрипачка А. Чеботарева покорила любовным отношением к исполняемой музыке и своей скрипке. По-весеннему свежий, теплый и сильный тон ее инструмента блистательно опроверг распространенное в среде ростовских меломанов убеждение в том, что акустика Большого зала филармонии «нескрипична». Смотря в чьих руках скрипка! Голос этой скрипки не встречал на своем пути никаких преград, он пел, ласково баюкал, веселился, и в нем, как в родниковой воде искренности, отражалась мечтательная полуулыбка, озарявшая милое приветливое лицо молодой артистки.

Никакой сенсации: просто талант – единственная новость, которая всегда нова. Хотя истинная новость сродни сенсации, разве нет?

И зал дважды – после Концерта и после Симфонии – взорвался рукоплесканиями. Всё правильно, так и должно быть. Публика жаждет быть покоренной. Стены концертного зала возводятся для того, чтобы их сотрясали овации.

Вечерний Ростов. 1993. 4 окт.